

Перешивко

Василий Фокиевич

... Нас водила молодость

Я звякнул щеколдой ворот добротного дома. Хозяйка, вывешивающая на веревку белье, вытерла о передник руки, вопросительно повернула голову в мою сторону:

- Вам кого?

- Перешивко Василий Фокиевич здесь живет?

- Здесь - то здесь, но его дома нет. Всю зиму занимается по хозяйству, а только наступит весна ни-почем не удержишь, — доверительно, то ли жалуясь, то ли гордясь, заговорила она, - ровно подстегнет его кто, бежит на свой комбикормовый. А ведь годы-то, милый, не молодые. За седьмой десяток перевалило. Да и война за плечами, ранения. Копался бы себе в огороде, как другие. Пенсию получает неплохую. Чего еще?

Километра два, а то и более до элеватора. Иду. Всякие мысли приходят в голову. Действительно, что за нужда гонит тебя, Василий Фокиевич, на окраину поселка? А ведь и в ночную смену работать случается. Не последнюю корку, чай, доедают. Даже постороннему человеку видно, что семья. Перешивко живет в достатке.

Позже сродные братья Василя Фокиевича, тоже участники Великой Отечественной войны Николай Федорович и Павел Фёдорович, образно, по-крестьянский охарактеризуют его: вол, да и только, он, ежели потребуется, ради дела и в плуг один впряжётся.

...На проходной попросил, чтобы вызвали сменного мастера погрузо - разгрузочных работ. И вот он в телогрейке, щедро припорошённой седой пылью, в кирзовых сапогах, подходит прихрамывая.

- Укатали сивку крутые горки. О таких ли как я теперь писать? Молодежь надо показывать. Вон ее здесь на элеваторе сколько! Завидки берут! Что во мне сейчас? Вот этак годков бы с полсотни сбросить!

Я гляжу на габаритную фигуру собеседника, на покатые плечи, и приходят на память слова старинной песни про широкий дуб раскидистый. Да, уж если сейчас выглядит он могучим дубом, то в двадцать лет силушки было дай бог! Поздоровались. Подал бывший командир взвода руку моя ладонь потонула в его пятерне. Подумалось: «Не сладко было вам, господа самураи на Хасане, когда шашка кавалериста Перешивко падала на ваши плечи».

Простой русский парень из далекой деревни Ефимовки в 1935 году и не помышлял о войне. Он окончил курсы трактористов при Новосельской МТС, работал на родных полях. Один поднимал тяжелые детали «фордзона», после перетяжки его двигателя мог без посторонней помощи за заводную ручку повернуть коленчатый вал.

Вскоре стал бригадиром. И быть бы Василию хлебопашцем, а может и добрым руководителем, но на Дальнем Востоке сгущались тучи, страна звала молодых к своим священным границам.

На проводах в армию не слышал Василий сурового наказа отца. Рано семья лишилась кормильца. Все заботы были на плечах Василия да его братьев Якова, Ивана, Петра. Но было родительское благословение матери Пелагеи Васильевны: «Ты уж побереги себя, Васенька, возвращайся, родимый, домой!»

Наказы давали и земляки - сельчане: возвратишься - трактор свой опять возьмёшь, а может, и бригаду примешь. Служи, как работал на земле, танк получишь - блюда и люби как свой «фордзон». С этим и отбыл на Восток.

Однако случилось непредвиденное. По прибытии Василий Фокиевич Перешивко был зачислен в кавалерийскую школу и вскоре стал конником, командиром отделения. За ним была закреплена лошадь по кличке Исток. Ему ли,

деревенскому парню, не зная лошадей. Он ли не ласкал их, не любил, не подкармливал в ночном краюхой ржаного хлеба.

- Знаешь, небось, сказку про Сивку - Бурку вещую Каурку, - вижу, у Василия Фокиевича при воспоминании теплеют глаза, - так вот и мой Исток был таким же, а пожалуй, получше. Сколько раз спасал меня от смерти...

Я попросил Перешивко припомнить какой - либо боевой эпизод.

- Милый мой, таких была уйма, они и сейчас нет - нет да снятся порой по ночам. Наш отдельный кавалерийский 121 - й полк был участником боев у озера Хасан. В моем отделении находилось двадцать два человека, две тачанки, охраняли мы штаб фронта, нашего командующего Блюхера. Мы считали большой честью видеть его, отвечать на его приветствия.

Японский солдат - коварный и, надо сказать, готовый на самое безрассудное. Разведка у них тоже не дремала. Однажды в охранении двигались. Осматриваем местность. Вдруг ветки на одном кусте шевельнулись.

- Ребята, - говорю, - что - то здесь не так: ветра совсем нет, а ветки колышутся. Вы оставайтесь с лошадьми здесь, а мы вдвоем обойдем сопочку и с тылу посмотрим, кто там в прятки играет.

Скрытно пробрались. Смотрю, а там их...! Послал связного за подмогой, а сам к бою готовлюсь. Неладное почуяли и японцы. Вижу, биноклем в мою сторону щупают. Несколько человек отделилось. Крадутся. Куда денешься. Приготовился - жду. Погибать - так с музыкой! Взял я, да с этакой удалью, как свистну: здесь мы, мол, налетай, мелочь пузатая! Отстреливаюсь, но чувствую скоро - хана. «Банзай!» - кричат. И вдруг - тихое ржание поблизости. Глянул... поодаль Исток стоит.

На свист стало быть прискакал. Беду мою почуял. Ну, я в седло, а в нем я - король, вдвоем нас так просто не возьмешь. А тут и помощь подоспела.

Четыре года с Истоком. Железнодорожные составы перебрасывали наш полк в Маньчжурию, где по пескам, без воды делали многокилометровые рейсы. Довелось громить и белофиннов, где в морозы за сорок градусов, по глубоким сугробам опережали и уничтожали хваленых финских лыжников. А потом вновь железнодорожные вагоны, Уссурийск...

В 1942 году обратный путь на Запад, в Подмосковье. Немец тогда еще силен был. Танками пер. Под Калинином попал полк в окружение. Двести кавалеристов вместе со мной под покровом ночи ушли в леса. Лошади отощали - кругом декабрьские снега, сдал и мой Исток.

Нападем на фашистский обоз, заберем оружие, продовольствием – и в лес. Последним с ним, как с товарищем делился, разве что курица не давал. Смотрит он на меня и, словно человек, все понимает.

В конце-концов, обложили нас немцы, как говорится, ни охнуть ни вздохнуть. Боеприпасы на исходе, питаться нечем. Лошади с нами, а за них, как за боевую единицу по Уставу спрос и ответ строгий. Никто из подчиненных не смог бы поднять руку на коня. Все ждали моего решения.

И вот, чтобы спасти солдат, ради жизни двухсот человек, с болью о сердце я отдал приказ: ликвидировать боевого коня по кличке Исток. Ушел в чащу, обнажил голову, и впервые в жизни покатались у меня слезы.

Дали тогда, под Калинином кавалеристы клятву: отомстить за своих товарищей и за боевых коней. И они ее сдержали. С боями вышли из окружения, прошли переподготовку и стали кто пехотинцем, кто сапером, кто танкистом. А старшина В. Ф. Перешивка попал в артиллеристы.

Крепко мстил за погибших братьев - Якова, Ивана и Петра, за своего Истока. После ранения под Ржевом он был уже в звании старшего лейтенанта, а его широкую грудь украшали ордена Отечественной войны I и II степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Так уж случилось, такова солдатская судьба, но войну Перешивко пришлось заканчивать там, где ее начинал - на Дальнем Востоке. С боями прошел он, освобождая от японцев, Южную Корею, Харбин, Мугден, Халиган...

Попросил показать сохранившиеся боевые реликвии. Он вынес мне целую пачку.

Многие из документов носил у сердца, в кармане солдатской гимнастерки. Потемневшие, потертые выделяются они среди недавно полученных.

Удостоверений о боевых наградах у Василия Фокиевича около десятка. Немногим меньше новеньких - трудовых, это несколько удостоверений победителя соцсоревнования, ударника коммунистического труда.

Может быть поэтому и не сидится ветерану дома. Зовет его далекая молодость.

- В День Победы не придется мне побыть на торжествах, - словно читая мои мысли, говорит Василий Фокиевич. - Буду заступать на смену. Элеватор работает круглосуточно...

Литература:

- 1.Кормиловский район [Текст] // Солдаты Победы. – Омск. – 2002. – Т.6. – С. 69.
- 2.Константинов, В. ...Нас водила молодость [Текст] / В. Константинов // Нива. – 1987. – 9 мая. – С. 3.